

Н. А. Миненко

РУССКАЯ СЕМЬЯ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В центре внимания советских исследователей истории русского населения Сибири XVII — первой половины XIX в. неизбежно оказывается семья — первичная производственная, потребительская и культурно-бытовая ячейка феодального общества.

Типическим чертам русской старожильческой семьи Енисейского края и земледельческих районов Западной Сибири периода феодализма посвящены работы В. А. Александрова и З. Я. Бояршиновой¹. Материалы, полученные нами при изучении семьи Обского Севера XVIII — первой половины XIX в.², позволяют дополнить уже имеющиеся по данной теме труды и могут быть использованы при характеристике колонизационных процессов на территории северо-западной Сибири в позднефеодальный период.

Основной вид источников, использованных в данной статье — ревизские «сказки»³ — содержат сведения о соотношении семейных и одиноких жителей, о численности и структуре семей (в том числе об их половозрастном составе). В документах можно найти данные о происхождении супругов, о брачном возрасте у северян и продолжительности их жизни, об уровне рождаемости в крае и пр. В ревизские «сказки» включены материалы о податном населении, священнослужителях и отставных, но, к сожалению, нет данных о служилых людях, сохранявших ведущую роль среди различных сословий края. К тому же наиболее ранние сведения «сказок» относятся к 60-м годам XVIII в. Поэтому для характеристики начала периода пользовались именными книгами служилых людей Березова и Сургута⁴. Эти книги, однако, дают представление лишь о мужском составе населения, т. е. о числе (а по Сургуту и о возрасте) лиц мужского пола в семьях, в связи с чем семейное положение казака для нас бывает не всегда достаточно ясным. Правда, холостые и семейные служилые различались жалованными окладами, и именные книги отражают это. Однако на «холостых» окладах часто состояли и казаки, обремененные немалыми семействами⁵. Из-за недостаточного

¹ В. А. Александров, Черты семейного строя у русского населения Енисейского края, «Сибирский этнографический сборник», т. III, М.—Л., 1961; его же, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964; З. Я. Бояршинова, Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода, сб. «Вопросы истории Сибири», вып. 3, Томск, 1967.

² Исследования проводились на территории бывших Березовского и Сургутского уездов начала XVIII в.

³ Хранятся в Государственном архиве Тюменской области в Тобольске (далее — ГАТОТ) в фонде Тобольской казенной палаты (ф. 154).

⁴ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 214, кн. 1297, л. 10—29; кн. 1302, л. 47 об.—66.

⁵ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, л. 22—26.

количества данных в анализ семейного строя северян начала XVIII в. вносится немалая доля условности.

Кроме указанных источников, мы изучали следственные дела из фонда Тобольской духовной консистории⁶ за разные годы, содержащие богатые сведения о нормах семейного быта русских.

К началу XVIII в. процесс сложения постоянного русского населения на Обском Севере (районы Березова и Сургута) в основном завершился⁷. Большинство служилых, составлявших на первых порах почти все постоянное население северных городов⁸, к этому времени уже обзавелись семьями. По данным 1701 г., из 472 служилых лишь 192 не имели сыновей или родственников мужского пола⁹, к тому же среди этой группы, очевидно, было значительное число женатых, но бездетных. Немалое число служилых из числа указанных состояли в «женатом» окладе¹⁰. Если семейный казак получал часто жалованье холостяка, то одиночка никак не мог рассчитывать на оклад семейного. В 1701 г., например, взят был в казаки на место умершего Василия Нестерова, состоявшего в «женатом окладе», сургутский «казачий сын Иван Петров сын Новосильцов» но с «холостым окладом, потому что он, Иван, холост». В том же году вступил в казацкую службу бессемейный сургутянин Михайло Вергунов — тоже с окладом холостяка¹¹.

В XVIII в. на Обском Севере господствовала семья из двух поколений; семьи, включавшие дедов, отцов и внуков, встречались очень редко.

Объяснение этому обстоятельству надо искать в семейных разделах, в сравнительно позднем появлении детей и в том, наконец, что нами не учитываются лица женского пола. По данным ревизских «сказок» за 1763—1782 гг., первый ребенок у мужчин Березова появлялся в среднем в 29 лет (у мужчин Сургута в 28), а продолжительность жизни их была 56 лет¹². Внуки, таким образом, не заставляли своих дедов в живых. К тому же нередко первым ребенком в семьях была девочка.

Ранняя смерть кормильца часто влекла за собой вымирание всей семьи. В 1772 г. умер березовский крестьянин Михайло Кочкин; сын его Федор (в год смерти отца ему было 19 лет) пережил отца на 4 года, а в 1779 г. скончалась и жена Михайлы Анна¹⁴. Трудно жилось семьям, где мужская половина состояла из отцов-стариков и малолетних детей. В 1800 г. сургутский служилый Иван Перфильев писал в рапорте: «...получаю ныне денежное и хлебное жалованье казачье, да я же имею четырех малолетних детей, в старости лет моих содержать не могу...»¹⁵. В некоторые годы такая ситуация бывала распространена довольно широко. В 1806 г. березовские крестьяне возбудили ходатайство перед властями об освобождении их от поставки рекрутов, так как, «кроме престарелых, увечных и малолетних», в обществе их, по сути дела, никого не было. Из 59 душ государственных крестьян (в том числе записавшихся в мещане, но продолжавших до новой ревизии платить и по крестьян

⁶ ГАТот, ф. 156.

⁷ Фамильные гнезда служилых людей Березова и Сургута, отмеченные для 1701 (ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, л. 10—29; кн. 1302, л. 47 об.—66), явились основным источником формирования главных сословных групп русских жителей этих городов в последующие годы (см. данные ревизских «сказок»; ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об. д. 44, л. 2—38 об.; д. 290, л. 897—914 об. и др.). Общность происхождения, однородность хозяйственных занятий, высокая степень контактов между представителями разных сословных групп делают возможным сопоставление данных по семейному строю северных служилых, крестьян, купцов, мещан и т. д.

⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1370, л. 487, 511 об.—512.

⁹ Там же, кн. 1297, л. 10—29, кн. 1302, л. 48 об.—66.

¹⁰ Там же, кн. 1297, л. 10—29, кн. 1302, л. 48 об.—66.

¹¹ Там же, кн. 1297, л. 17 об.—18.

¹² Там же, кн. 1302, л. 48—66; кн. 1297, л. 10—29; ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 2—3 об., 11—73 об.; д. 44, л. 2—38 об.; д. 346, л. 1114—1135 об.

¹³ ГАТот, д. 42, л. 11—73 об.; там же, д. 44, л. 2—38 об.

¹⁴ Там же, д. 42, л. 27—28.

¹⁵ Там же, ф. 329, оп. 541, л. 34, л. 288—288 об.

скому окладу), живущих в Березове, лишь шесть признавались годными по летам и состоянию здоровья к военной службе¹⁶.

Размеры русских семей на Обском Севере в начале рассматриваемого периода были невелики.

Сопоставляя количественные показатели за 1701 г. с показателями последующих десятилетий, приходим к выводу об увеличении числа мужчин в семьях. Так, в 1782 г. в «крестьянском обществе» Березова 12 семей имели по 2 человека, 10 — по 3, 2 — по 4, 3 — по 5 и одна семья состояла из 6 человек мужского пола. Если в начале XVIII в. семей, включавших 4 и более лиц мужского пола, было примерно 19%, то в конце столетия их насчитывалось 21%.

Таблица 1*

Число мужчин в семьях в 1701 г.

Лица мужского пола (взрослые и дети) в семье	Количество семей		Лица мужского пола (взрослые и дети) в семье	Количество семей	
	Березов	Сургут		Березов	Сургут
2	71	54	5	5	7
3	41	39	6	3	3
4	19	24	7	—	1

* Составлена по данным: ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, лл. 10—29; кн. 1302, лл. 48—66. Мужчины-одиночки и семьи, включавшие по 1 лицу мужского пола, здесь и далее не учитываются.

В Сургуте в 1782 г. было 22 семьи государственных крестьян с 2 душами, 14 — с 3, 13 — с 4, 7 — с 5, 2 — с 6 и 1 — с 9¹⁷. Семей с 4 и более лицами мужского пола насчитывалось 39%, в то время как в 1702 г. их было примерно 27%.

К 1834 г. в Березове число крестьянских семей с 4 и более лицами мужского пола увеличилось до 45,5%; в Сургуте — до 60%¹⁸.

Женское население в семьях увеличивалось аналогично мужскому¹⁹.

К 30—50-м годам XIX в. на Обском Севере начали образовываться большие семейные коллективы. Семья в 6—12 человек — обычное явление в крестьянском обществе этого времени²⁰. Примером может служить семья Петра Канкарова из Березова (1834 г.), состоявшая из его жены, трех детей, матери, братьев (женатого и малолетнего), племянника, сестры и племянницы. Сургутский крестьянин Афанасий Кузнецов (1834 г.) возглавлял семью в 17 человек мужского и женского пола²¹.

Таковыми же многочисленными были и семьи сургутских мещан, члены которых были выходцами в основном из того же крестьянского сословия. Семью в 15 человек имел сургутский мещанин Иван Вергунов, в 16 человек — потомок сургутских служилых Андрей Кушников. В 12 из 56 семей Березова было более шести человек²².

Если в 1702 г. в Сургуте на семью в среднем приходилось 2, 3 лица мужского пола, то в 1782 г. — 2,7; в 1834 г. — 2,8, а в 1850 г. — около 3,2. Для Березова соответствующие данные — 1,8; 1,6; 2,3; 2,8²³.

¹⁶ ГАТот, ф. 329, оп. 541, д. 257, л. 1—15.

¹⁷ Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11—48 об.; д. 44, л. 2—38 об.

¹⁸ Там же, д. 532, л. 217 об.—232; 87 об.—91.

¹⁹ Там же, д. 42, л. 11—48 об., д. 44, л. 2—38 об.

²⁰ Там же, л. 87 об.—91, 217 об.—232.

²¹ Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 221 об.—222, 227 об.—228.

²² Там же, л. 207 об.—214, 317 об.—326.

²³ Вычислено по данным: ЦГАДА, ф. 214, кн. 1297, л. 10—29; кн. 1302, л. 48—66; ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об.; д. 44, л. 2—38 об.; д. 532, л. 87 об.—91, 207 об.—214, 217 об.—232, 317 об.—326; д. 753, л. 75, об. 201.

Таким образом, еще в середине XVIII в. русская семья на Обском Севере значительно уступала по размерам (1,5—2 человека) крестьянским семьям земледельческих районов Западной Сибири (4 человека)²⁴.

К 20—30-м годам XIX в. для Березова разница эта стала незначительной; сургутская семья сравнилась в размерах с крестьянской семьей юго-западной Сибири²⁵. Причина этого—противоположные тенденции в развитии семей: если на севере в течение всего периода шел некоторый рост числа членов семьи, в основном за счет увеличения числа неразделенных семей²⁶, то в земледельческих районах размеры семей уменьшались²⁷.

Данные о структуре семей на Обском Севере (табл. 2, 3) не позволяют сделать четкого вывода о соотношении малых и неразделенных семей, однако видно, что последних было немного. Судя по данным 1782 г., число неразделенных семей в крестьянском обществе Сургута достигало примерно 28%; Березова—16%²⁸. К 1834 г. доля неразделенных семей в Березове составила уже примерно 38%²⁹. Выросло их число и у сургутских крестьян³⁰.

Если на Обском Севере в XVIII—первой половине XIX в. количество неразделенных семей медленно увеличивалось, то в южных районах Западной Сибири с 20-х годов XVIII столетия, по мере закономерной сегментации разросшихся семей, крупная семейная ячейка делилась на малые семьи. Поэтому здесь с 20-х годов XVIII в. вплоть до начала XIX в. количество неразделенных семей непрерывно уменьшается³¹.

Специфика северного хозяйства, ориентированного на промыслы и торговлю, как показал В. А. Александров, освобождала от необходимости создавать большие неразделенные семьи³². Данные по Обскому Северу, относящиеся к началу XVIII в., совпадают со сведениями В. А. Александрова по Мангазейскому уезду того же периода. Хозяйство русских поселенцев Березова, Сургута и Мангазеи мало чем различались, и это совпадение вполне обусловлено. Но если с укреплением крестьянского земледельческого хозяйства ведение его, по мнению З. Я. Бояршиновой³³, становилось под силу малым семьям, то расширяющиеся торгово-промысловое хозяйство русских на Обском Севере, сочетавшееся уже с оленеводством и другими подсобными занятиями, со временем требовало все большего количества рабочих рук. Это вызывалось, в частности, тем, что пушной зверь там выбивался, удельный вес рыболовства в хозяйствах горожан возрастал, усложнялись формы ведения промыслов, расширялись хозяйственные функции каждого двора. В первой половине XVIII в. при нехватке рабочих рук в хозяйствах березовцев и сургутцев применялся труд дворовых. В 1742 г., например, в Березове насчитывалось 50 ревизских душ дворовых³⁴, а в 1782 г. их зарегистрировано лишь 35³⁵.

²⁴ Данные по земледельческим районам см.: З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 17. Данные по Северу см.: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об.; д. 44, л. 2—38 об.

²⁵ Данные по земледельческим районам см.: З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 18.

²⁶ Под неразделенными семьями нами понимаются семьи, состоявшие из родителей и женатых детей, из двух и более женатых или взрослых холостых братьев, из двух и более других женатых или взрослых холостых родственников мужского пола.

²⁷ З. Я. Бояршинова, Указ. раб.

²⁸ Вычислено приближенно по данным: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11/48 об.; д. 44, л. 2—38 об.

²⁹ Там же, д. 532, л. 87 об.—91.

³⁰ Там же, л. 217, об.—229. Здесь и выше процентные данные вычислены нами на основе приведенных в ревизских «сказках» сведений.

³¹ З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 19.

³² В. А. Александров, Русское население Сибири XVII—нач. XVIII в., М., 1964, стр. 139.

³³ З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 19.

³⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 7, д. 5117, л. 56 об.

³⁵ ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—78 об.

Структура русских семей на Обском Севере в 1701 г.*

Состав семьи	Березов		Сургут	
	количество семей	%	количество семей	%
Мужчины-одиночки и супружеские пары без детей и родственников мужского пола	143	50,2	59	31,6
Супружеские пары с детьми мужского пола (в том числе приемными)	100	35	85	45,4
Два и более женатых или холостых брата	29	10,2	25	13,4
Супружеские пары с детьми мужского пола и племянниками мужа	2	0,7	7	3,7
Супружеские пары без детей мужского пола, но с племянниками мужа, в том числе и малолетними; семьи из взрослого холостого дяди и племянников, в том числе и женатых, имевших детей мужского пола	6	2,1	7	3,7
Супружеские пары с детьми мужского пола, братьями и племянниками мужа, в том числе и малолетними	2	0,7	4	2,2
Деды, женатые сыновья, внуки	3	1,1	—	—

* ЦГАДА, ф. 214, кн. 1237, л. 19—29; кн. 1332, л. 47 об. — 63. Процентные данные вычислены приближенно. Характер исходного материала не позволяет в данном случае дать детальную структуру русских семей Березова и Сургута, в частности рассматривать отдельно мужчин-одиночек и супружеские пары без детей и родственников мужского пола, семьи из женатых и взрослых холостых братьев и семьи из взрослых и малолетних братьев и т. д.

Таблица 3

Структура семей государственных крестьян на Обском Севере в 1782 г.

Состав семьи	Число семей	
	Березов	Сургут
Холостяки и вдовцы без детей мужского пола	12	8
Вдова без детей мужского пола	7	—
Вдова с малолетними детьми мужского пола	2	2
Вдовец с малолетними детьми мужского пола	—	2
Супружеская пара без детей мужского пола	14	5
Супружеская пара с малолетними детьми мужского пола	10	27
Супружеская пара с малолетними и взрослыми холостыми детьми мужского пола	8	4
Взрослый брат с малолетними братьями	—	1
Супружеская пара с женатыми сыновьями	2	—
Отец, женатые сыновья, внуки	—	5
Взрослые холостые братья	1	3
Женатые и взрослые холостые братья	7	10
Женатый дядя со взрослыми холостыми или женатыми племянниками	—	3
Женатый или взрослый холостой дядя с малолетними племянниками	—	2
Итого	63	72

В целом по Сибири крепостных было мало, и русские северяне стремились превратить в дворовых незаконнорожденных детей. В редких случаях незаконнорожденные занимали место родных детей. Бездетный казачий атаман Илья Сверчков, например, воспитал приемного сына Ефима, ставшего впоследствии березовским купцом³⁶.

³⁶ ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—78 об.; ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 50.

С течением времени число местных жителей, живших в услужении русских поселенцев Березова и Сургута увеличивалось. Источник 1811 сообщает, что «подгородние» ханты «большой частью находятся в горде Березове у разных людей в работах»³⁷. В 60-х годах XIX в. коренные жители, находившихся в «работах» у березовцев, было 99 человек мужского и 44 женского пола³⁸.

Увеличение средних размеров русской семьи на Обском Севере к середине XIX в. было связано и с процессом адаптации поселенцев. Сокращалось число лиц, не имевших наследников. В 1701 г. в Березове 61,4⁰ крестьян не имели детей мужского пола, в 1782 г. процент таких лиц снизился до 60,3, а к 1834 г.—до 33,3³⁹. Если между третьей (1763 г.) четвертой (1782 г.) ревизиями в Березове никакого естественного прироста не было, то между восьмой (1816 г.) и девятой (1834 г.) число родившихся в 5 раз превысило число умерших⁴⁰. Повысилась сопротивляемость эпидемическим и прочим заболеваниям, хотя в первой половине XIX в. среди березовцев по-прежнему время от времени «умножается цынга, от которой успешно лечатся особого рода травой, в изобилии растущей в округе. Редкие люди бывали «одержимы» «грыжею», сердечными заболеваниями, «чахоткою»⁴¹.

Наблюдатели подчеркивали физическую крепость русских северян. Штаб-лекарь Шавров, в 1816 г. побывавший на Обском Севере, отмечал, что местные крестьянки «здорового телосложения, выше среднего роста, лицом красивые, живого, веселого характера»⁴². В середине XIX Н. Абрамов писал о березовцах: «Здесь русские жители больше частью роста высокого, телосложения крепкого, чему очень много способствует холод... Есть старики, которые в 65 и 70 лет бывают мужья в полном значении этого слова; рожденные от них дети здоровы...»⁴³

Вступление в брак отмечалось северянами как большое событие жизни. Мужчины женились обычно старше 20 лет. Невеста, как правило, была немногим моложе будущего супруга, хотя встречались и различные отклонения от этого правила⁴⁴.

Сословные перегородки не препятствовали созданию новой семьи. Среди жен березовских государственных крестьян 1782 г. были дочери крестьян, служилых, духовных лиц, мещан, разночинцев и т. д. Тем не менее социальная принадлежность имела существенное значение при выборе невесты, и каждая социальная группа цементировалась внутренними брачными связями⁴⁵.

Желавший вступить в брак должен был заблаговременно известить об этом приходского священника, который во время литургии торжественно объявлял о предстоящем браке, а тем временем «на стороне через достоверных и непорочных людей» разведывал, не состоит ли жених в родстве с невестой. Если родства и других препятствовавших браку обстоятельств не обнаруживалось, начиналось официальное сватовство, венчание и свадьба — все «по российскому обычаю»: со свахами с же-

³⁷ ГАТОН, ф. 329, оп. 541, д. 497, л. 12.

³⁸ Н. Перовский, Березов, «Тобольские губ. ведомости», 1866, № 35, стр. 249.

³⁹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1302, л. 46—66; ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11—48 об.; д. 532, л. 87 об.—91.

⁴⁰ Вычислено по данным: ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 11—48 об.; д. 532, л. 87 об.—91.

⁴¹ ГАТОН, ф. 329, оп. 541, д. 465, л. 11—16; д. 257, л. 12 об.—23; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 41, л. 12 об.—13; д. 45, л. 17 об.—19 об.; Ф. Белявский, Поездка к Ледовитому морю, М., 1833, стр. 128—139. Последнее замечание относится и к прочим русским жителям края.

⁴² В. Н. Шавров, Краткие записки о жителях Березовского уезда, М., 1871, стр. 2.

⁴³ Н. Абрамов, Описание Березовского края, Записки РГО, кн. XII, СПб., 1857, стр. 444.

⁴⁴ Вычислено по данным: ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, 44, 274, 275.

⁴⁵ См. ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 1—88 об.; д. 275, л. 1—14 об., д. 274, л. 11—83.

ниховой и невестинной стороны, друзьями и пр.⁴⁶ Живший в конце XIX в. в Обдорске (Березовский уезд) В. Бартенев писал, что свадьбы в этих местах чаще всего бывают осенью: «Я часто с удовольствием бывал на них. Обдорская свадьба сохранила много черт старинного народного быта... Свадьба продолжается обыкновенно четыре дня: в первый день девишник, во второй — «баня», в третий — венчанье и свадебный вечер, в четвертый «пированье». Все эти дни, на каждый случай поются особые песни, носящие яркий отпечаток далекой старины... Сами обдоряне говорят: «Так наши отцы пели, мы те же песни поем, прежде, однако, гораздо больше было песен, теперь забываются некоторые»⁴⁷. Необходимо отметить, что отцы упоминаемых обдорян были в основном переселенцами из Березова, оставшими березовскими казаками⁴⁸. «Песни эти, — продолжает Бартенев, — поются девушками — подругами невесты. На меня всегда производили сильное впечатление старинные напевы, которые особенно хороши в хоре. Раньше приходилось встречать подобные вещи разве только в сборниках..., а тут слышишь и видишь все это... и дивишься, как мог сохраниться этот осколок русской старины среди остяцкой тундры»⁴⁹.

Задолго до свадьбы отец невесты, а если его не было, то мать, старший брат или другие близкие родственники готовили ей приданое. Обычно оно состояло из одежды и предметов быта. Например, Мария Ускова, дочь достаточно зажиточного служилого, привезла с собой «приданова ее от родителя образ Николая Чудотворца риза сребрена, платья юпка канфова малинова, юпка желта голева, одне перла жемчужныя, две шапки женские, одна юпка каламенчата, одна юпка китайчета пестра, епанча ала тавтяна, испод лисей, один шушун штофной, косинка шита серебром ветха, шуба голева с выпушкой бельей, испод черной пыжевой, шуба китайчета черна испод норнишной, с епанчи верх голевой лазоревой, одна подушка большая пуховая, четыре подушки малые пуховые, один сундук большой окованный железом»⁵⁰.

Если молодая семья решала жить «своим домом», родные мужа выделяли ей положенную часть «имения»: одежды, посуды, скота, орудий труда, дворовых и т. д. Березовец Илья Сверчков «по разделу с братьями» в числе прочего получил «...образов святых Рождества пресвятые Богородицы... Илии Пророка... посуды один стакан, одна рюмка, две чарки малы и одна болша сребрены, 6 тарелок оловяных, одна чугунка, платья одна юпка желта голевая, один шушун устриновой, зеленой, одна лента с ряской жемчужной, две шапки женски, два плата шелковы, третей бумажный, два перевеса и два гуся постельны ношены»⁵¹.

Если молодые не создавали самостоятельной семьи, они селились в доме родителей мужа. Ревизскими «сказками» не зафиксировано ни одного случая, когда бы супруг переходил жить в семью жены⁵².

Главой семьи, как правило, был мужчина — старший по возрасту. Однако встречались и исключения. Семью мог возглавить младший в семье, но женатый брат⁵³. Иногда даже при наличии взрослых сыновей во главе семьи стояли женщины⁵⁴. Глава дома заботился об обеспечении семьи средствами к существованию и в больших семьях распределял между членами семьи работу.

⁴⁶ ГАТот, ф. 156, д. 1777 г., № 106, л. 21, 72, 76; д. 1780 г., № 114, л. 1.

⁴⁷ В. Бартенев, На крайнем Северо-Западе Сибири, Спб., 1896, стр. 120—121.

⁴⁸ Там же, стр. 25.

⁴⁹ Там же, стр. 123.

⁵⁰ ЦГАДА, д. 1789 г., № 155, л. 48 об.

⁵¹ Там же, л. 48—48 об.

⁵² Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, 44, 273, 274, 277, 346, 290, 532, 753.

⁵³ Там же, д. 277, л. 33 об.

⁵⁴ Там же, д. 42, л. 33 об.

Мужчины ловили рыбу, охотились, разводили оленей, торговали с аборигенами и приезжими купцами, выполняли сезонные работы на купеческих судах и т. д.

Женщины занимались переработкой продуктов охоты и рыболовства, выполняли различные работы по дому и огороду и т. д. Значительно расширялась сфера деятельности женщин, если мужчины уходили на промыслы. «Летом, — пишет Н. Абрамов, — когда мужья заняты рыбной ловлей, они (крестьянки. — Н. М.) сами отправляют подводы: в лодку проезжающих чиновников они для гребли садятся по несколько человек и веселыми своими песнями сокращают скучную дорогу проезжего...»⁵⁵ Нередко женщины шли в чужой дом для «исправления» различного «домашнего дела», занимались мелкой торговлей и сельскохозяйственными работами⁵⁶.

Глава семьи был собственником и распорядителем семейного имущества — «имения». Однако из-за того, что мужчин часто не было дома, операциями по продаже, обмену и закладу имущества должны были заниматься женщины⁵⁷. Все это расширяло права женщин, что должно было усиливать чувство уважения к ним не только в семье, но и в обществе; с другой стороны, такие отлучки пагубно сказывались на семейном быте. Расстраивалось зачастую не только «домообзаводство» семьи, но под влиянием сплетен и клеветы нарушались иногда нормальные отношения между супругами⁵⁸. Все же надо отметить, что разрушались семьи на Севере очень редко. Как правило, женщины оберегали честь свою и своих супругов. К тому же березовцы и сургутцы предпочитали усыновить рожденных вне брака детей, а не разрушать семью, тем более что семьи испытывали постоянный недостаток в рабочих руках⁵⁹.

Опасение, что без хозяина или хозяйки «домообзаводство» запустеет и разорится, было, конечно, главной причиной снисходительного отношения к моральным проступкам супругов. Возможно, какое-то влияние имели в данном случае нормы семейного быта местного населения.

Влияние местного населения на семейный быт русских тем более вероятно, что, как уже отмечалось, здесь имели место смешанные браки. Березовский крестьянин Егор Осипов-Лаподников взял в жены дочь ясажного остяка Манара Апкулева; его земляк — крестьянин Игнатей Кашпырев — был женат на дочери ханта Федора Нетина. Жен-хантыкы имели и другие березовские крестьяне⁶⁰. Естественно, что браки с ясашными были распространены лишь среди крестьянства — самого низшего (не считая дворовых) слоя в сословной структуре населения Березова и Сургута. Некоторые русские из других сословий под видом рабочих держали в своих домах неофициальных жен-«кинородок»⁶¹.

Под влиянием семейных норм коренных жителей, а также из-за отсутствия достаточного количества священнослужителей многие русские создавали семьи до благословения церкви, в связи с чем относительно высок был процент «незаконнорожденных» детей⁶².

В целом анализ некоторых аспектов истории русской семьи на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX в. позволяет сделать следующие выводы.

На протяжении рассматриваемого периода число членов в семьях увеличивается, растет и число неразделенных семейных коллективов.

⁵⁵ Н. Абрамов, Указ. раб., стр. 361.

⁵⁶ ГАТот, ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 47, 50 об.; д. 1807 г., л. 107.

⁵⁷ Там же, ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 49; там же, д. 1803 г., № 63, л. 7—8.

⁵⁸ Там же, ф. 156, д. 1789 г., № 155, л. 1—79; д. 1772 г., № 67, л. 1—1 об.

⁵⁹ Там же, д. 1775 г., № 104, л. 1 об., 7—7 об.; там же, л. 1 об.

⁶⁰ Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, л. 28 об., 38, 40 об.; д. 44, л. 11 об.

⁶¹ Там же, ф. 156, д. 1779 г., № 114, л. 6.

⁶² Там же, ф. 154, оп. 8, д. 42, лл. 1—88 об.; ф. 156, д. 1777 г., № 106, л. 48.

Причины этого процесса заключались в особенностях развития хозяйства березовцев и сургутцев, в постепенной адаптации русских поселенцев к специфическим условиям Севера. Однако на протяжении XVIII—первой половины XIX в. господствующее положение на Обском Севере занимала малая семья.

Специфика торгово-промысловых занятий—главного источника жизни русских на Севере—определяла меньшее, чем в земледельческих районах, участие женщин во внешних сферах хозяйственной деятельности семьи. Вместе с тем частые и длительные поездки мужчин по делам службы, промыслов и торговли усиливали хозяйственную самостоятельность женщин, расширяли круг прав и обязанностей. На семейный быт русских влияло и распространение браков с коренными жителями.

Однако при всей несомненной специфике березовская и сургутская семья XVIII—первой половины XIX в. в основном оставалась аналогичной русским семьям других территорий Сибири и Европейской России,
